

Предлагаем читателям дерзкий проект: автор этих стихов настолько увлечён творчеством Микеланджело Буонарроти, что написал стихи как бы от его имени. В скромном почтении к памяти великого творца сам он пожелал остаться неизвестным.

* * *

Промолвить слово — нет вернее средства,
Чтоб обнаружить жизнь в себе самом.
Глухое и безмолвное соседство —
Вот что такое нынешний мой дом.
Давно забыл свой голос человеческий:
Утратив плоть, и с ним расстался я.
Но слово — живо, этот вестник вещей,
Свидетель и источник бытия.
О, если б стать услышанным опять,
Я б знал, что людям следует сказать!

* * *

Порог преодолеть, нисколько не страшась,
Что душу поразит возмездья жало, —
Вот счастье. И его, пожалуй,
Меж звёздами ничто не может превышать.
Спокойно уходить туда, где вечный Свет
Наполнит душу, не найдя преграды, —
Вот счастье. Больше для неё награды
Меж звёздами, я уверяю, нет.
Пусть это счастье душу не минует.
Блаженны те, кому неведом страх,
Покинув плоть, земле оставить прах:
Их вечный мир покоем коронует.

* * *

Я полдень свой забыл. Зато закат
Был полон небывалых озарений,
И позднего горенья, и прозрений...
И размышленьями он был богат.
Тот труд души, который совершал,
Который раздвигал её пределы,
Как атом вещества в сосуде пустотелом,

Моей опорой и началом стал.
Вот в зыбком мире вечного движенья
Подножье моего преображенья.

* * *

Пороки — долголетия опора:
Они, как корни древа, на Земле
Нас крепко держат, прежде чем во мгле
Мы не увидим Огненного Взора.
Пред ним ничто бушующее пламя
Земных страстей — как язычок свечи
В спящий полдень. Вечные лучи,
Пронзив насквозь, овладевают нами.
Порок померк. Но неизбывный стыд
Как память о Земле в душе горит.

* * *

Мне в мире том, где свет и звук едины,
Где сущее изменчивее сна,
Всё та же участь, прежняя, дана:
Знать край, но не изведать середины.
А середина — что она такое?
Я знаю: жизнь — метанье на краю,
Над пастью бездны. Неужель в раю
Возможно быть и находясь в покое?
Я обретал иначе равновесье:
В движении его я находил
От края к краю, на пределе сил.
Покой в движении — что может быть чудесней?
Я заслужил свой отдых, может статься,
Но к праздности бесплодной не привык.
Так колокола старого язык
С своим молчаньем не готов смиряться.

* * *

Переменился я — и то, чем знаменит
Я был когда-то в долгой жизни брэнной,
Во мне истлело, разлетелось пеной —
И дух очистился, и память не саднит.
Переменился я, и он мне режет слух —
Приправленный хвалебными речами,
Восторгом, увлажнёнными очами —
Предлинный перечень моих земных заслуг.
Переменился я. Чего желал бы сам?
Не восхитить и даже не растрогать,
Но знать: мой тяжкий труд — хотя б на ноготь! —
Приблизил чью-то душу к Небесам...

* * *

Я прожил жизнь. Я все эскизы сжёг,
В которых был далёк от совершенства.
Я испытал и муку, и блаженство —
До дна испил я чашу, видит Бог.

Он ведал, что душа моя полна.
Но здесь, где жажда мучает иная,
Но здесь, где нового взалкал вина я,
Бог влил мне в чашу вечного вина.

* * *

Молясь и руки простирая к небесам,
Потоки слёз и жалоб проливая,
Я жаждал озарений, уповая
На Господа, Кто озаренье Сам.
Я душу мучил замыслом великим
И мысль держал в жестоком утесненье,
Пока не сгинет мгла моих сомнений
И в мраморе не прояснятся лики.
И верил я тогда, что любящий Отец
Вложил мне в руки Сам и молот и резец.

* * *

Путь линий — что ещё сравниться может
С их прихотливой вязью на листе,
Когда в его пустынной чистоте
Художник, образы ища, их множит?
Как своевольно чирканье пера!
Оно подвластно лишь воображенью,
Которое, задав руке движенье,
Лик придаёт невидимым мирам.
Но что за сила? Разум ли диктует
Руке движенье, линиям — узор?
Когда душа и ум вступают в спор,
Художник тщетно над листом колдует.
Ум победил? И зрит Господь, грустя,
Его мертворождённое дитя.

* * *

Дубравы, дети солнечного света,
Прохладной сенью нас спасают в зной.
У Господа нет истины иной:
Родившись, мир Его благодари за это.

* * *

Когда резец и молот недоступны
И мрамора не отыскать вокруг,
То с содроганьем понимаешь вдруг,
Как мучился Отец, творя нас. Как преступны
Попытки человека превратить
Его шедевры — в низкие поделки,
В которых замысел проявлен злой иль мелкий.
Как, Господи, зуд этот укротить!
О, если б скульптор, мучимый огнём,
Пред глыбою мерцающею замер,
«Чиста ль моя душа, как этот мрамор?» —
Спросил себя — порыв угас бы в нём.
Я сам не без греха. Тщеславными мечтами
И я, бывало, осквернял безгрешный камень.

* * *

Мир мудрости не знает. То, что он
Так долго может быть, забыв о Боге,
В скорбь повергает в Небе души многих,
Кому дано раздумье, а не сон.
Мир отвергает Свет — а значит, жизнь.
Но для того ль творил Господь планету,
Чтоб люди, не исполненные Света,
Её во тьму сумели погрузить?
И потому в крошечной этой тьме —
Где троп к вершинам духа не торится,
Где дьявольское пиршество творится —
Нет места ни таким, как я, — ни мне...

* * *

По стону можем мы определить,
Что муку терпит человек несчастный.
Но как услышать Божий плач безгласный —
Что Он устал над нами слёзы лить?

* * *

Мы в юности легко даём себе обеты
Достигнуть высоты, чтоб превзойти других.
Но дорого ценить нам следует не это,
А только — для чего мы исполняем их?
Кого-то превзойти нет способа иного —
Когда лучиста цель и люди не враги,
Гордясь, сказать себе в конце пути земного:
Наш труд, возвысив нас, возвысил и других.

* * *

Первичен дух. Как в этом убедить
Того, кто мир незримый не приемлет
И кто в себе лишь зову плоти внемлет,
Стремясь его как меру утвердить?
Но тот, кто духа признаёт главенство,
Кто в дубе зрит усилие зерна
И знает: ветра порождение — волна,
Сумел постигнуть тайну совершенства:
Оно в стремленье духа возвратиться
В Того, Кто на Земле помог родиться.

* * *

Ни разорвать, ни сжечь, ни разрубить
Тончайший луч, который нас связует
С Создателем — и сердце обязует
Нас на Земле Его опорой быть.
Но тот же животворный волосок
Петлёй губительной нам сердце стянет,
Когда Создателя надежды канут,
Обманутого, как вода в песок.
Своей рукой сжимаем мы клинок,

Способный нас лишить опоры в Небе.
Когда душа заботами о хлебе
Живёт — уходит Небо из-под ног.
Лишь он, неощутимый этот лучик,
Не даст исчезнуть в Вечности зыбучей.

* * *

В изножии любви — не плод воображенья,
Но знание души, что в каждом — Божий Свет.
Что ж в изголовии? Торжественный обет
Приблизиться к Нему трудом преображенья.

* * *

Пространство, что не ведает пределов,
Безмерность и незаблемость «всегда»
Моя душа вмещает без труда.
Она объёмлет всё, что разум наш несмелый
Постичь не в силах, плавя в тесном тигле
Всё, что безмерно, дабы наконец
Понять, зачем нам разум дал Творец:
Чтоб меру бесконечного постигли.
Но коль душа вмещает Мирозданье,
Не больше ли него — она сама?
Неразрешима тайна для ума,
Но не для светоносного созданья.
Душе понятна суть любого слова,
Ведь Сам Творец — её первооснова.

* * *

Когда к закату клонится светило —
Вытягивая тени на земле,
Оно устало позволяет мгле,
Чтобы природу плоти отразила.
Когда душа над морем жизни взмыла,
И вот — закат, и манит глубина,
Ей грубая вещественность видна
Всего того, что на земле любила.
Как узы разорвать? Всего большее —
Отринуть жизнь, пусть тень её черна,
Пусть искра Света в ней заключена...
Душа, её вобравшая, — полнее.
Лишь собственный наш Свет путь в Небо освещает,
Лишь он душе покой и радость обещает.

* * *

Минует жизнь — и нас зовёт Творец.
И там, где жизни больше нет предела,
Великий скульптор примется за дело,
Пуская в ход безжалостный резец.
Искусство Смерти в том, чтобы на суд,
Где плач и оправдания напрасны,
Стевав всё лишнее рукою беспристрастной,
Представить нашу истинную суть.

Неужто дар твой — это Божий дар?
С тобою, Смерть, немыслимо тягаться
В умении до главного добраться:
Непоправимо точен твой удар.
Кто выбрал зло поводырём души,
Под молотком твоим преобразится:
Осколками и пылью разлетится —
И тем Господне сердце сокрушит.
Кто ж дух свой возвышал, не зная сна, —
Предстанет светоносным изваяньем.
Его обнимет Небо с ликованием,
И Смерть отступит, им ослеплена.
Вот мастер, коему нам нужно подражать,
Чтоб верно суть вещей изображать.

* * *

Душой промытой мирозданья Свет
Вмещаешь целокупно, без остатка,
Но не избежнешь чёрного осадка:
Мир полон тьмы, без коей Света нет.
Душой промытой видишь мир Земли
Как лик Господень, что лишён изъянов.
И корчишься от боли: ноют раны,
Что люди ей бездумно нанесли.
Душой промытой вдруг ты ощутишь,
Как горний Свет становится опорой
Истерзанной душе твоей, которой
Покоя на Земле не обрести.
Но что промывает душу? Потрясенье,
Что Бог — с тобой. Что в Нём твоё спасенье.